

ТОЦКИЙ А.С.

УЭНСДЕЙ
ТЕНИ НЕВЕРМОРА

Александр Тоцкий
Уэнсдей. Тени Невермора

«Автор»

2026

Тоцкий А. С.

Уэнсдей. Тени Невермора / А. С. Тоцкий — «Автор», 2026

Уэнсдей Аддамс отправляют в академию для изгоев «Невермор», где она сталкивается с загадочным новичком Александром Блэком, чья безупречность скрывает пугающую тайну. Вместе с новыми союзниками ей предстоит распутать кровавую историю прошлого и понять, что настоящий монстр может оказаться ближе, чем кажется.

© Тоцкий А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Уэнсдей	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Уэнсдей. Тени Невермора

Уэнсдей

Пролог: Тени Норт-Хилла

Ночь над Норт-Хиллом задыхалась. Звук полицейских сирен вяз в неестественно плотном, чернильном тумане, который тяжелым саваном осел на асфальт, пахнувший сырой землей и предсмертной тревогой. Офицеры, вышедшие из складского терминала №9, шатались, как контуженные. Молодого стажера вывернуло прямо у входа — его разум отказался принимать геометрию той «мясной лавки», в которую превратился бетонный зал.

Детектив Миллер стоял у входа, нервно сминая в кармане пачку сигарет. К нему подошел его помощник, сержант Картер, чье лицо в свете мигалок казалось бледным пергаментом.

— Шериф, это не просто бойня, — голос Картера дрожал. — Мы пробрили их по базе. Это не рядовые шестерки. Здесь лежат «Псы Войны» — наемники высшего эшелона. Торговля людьми, поставки тяжелого вооружения, наркотрафик от побережья до побережья... Это люди, которые сами привыкли быть кошмаром.

Миллер сплюнул на землю, глядя на зияющий зев склада.

— И какого черта эти «псы» забились в этот крысиный угол на окраине Норт-Хилла?

— В том-то и дело, шериф. Судя по расположению тел и укрепленным точкам, они не совершали сделку. Они... они баррикадировались. Они бежали от чего-то. Заперлись здесь, превратив склад в крепость, и ждали.

— Похоже, то, от чего они бежали, умеет просачиваться сквозь стены, — мрачно отозвался Миллер и шагнул внутрь.

Внутри склада царил противоестественная тишина. Помещением правил первобытный мрак. Миллер перешагнул через чью-то руку, всё еще сжимающую бесполезный автомат, и подошел к единственному выжившему. Тот сидел в углу, судорожно вцепившись в термоодеяло; фольга скрежетала в гробовой тишине.

— Как тебя зовут? — тихо спросил Миллер. — Что здесь произошло?

Мужчина поднял голову. Его лицо превратилось в серую маску.

— Сначала свет... — прохрипел он. — Он словно свернулся. А потом пришел туман. Черный туман, живой, как рой насекомых. Он забивал нам глотки, чтобы мы не могли даже вскрикнуть. Мы стреляли, но пули просто исчезали в нем. А потом... появились они. Два багровых глаза. Шерх... шерх... Наши ребята падали, как скошенная пшеница. Они умирали с криком, который застревал у них в гортани.

— Если он вырезал профессионалов за три минуты... почему ты еще дышишь? — Миллер пристально посмотрел на него.

Мужчина медленно отпустил края одеяла и повернулся спиной. Рывком сбросив рубашку, он обнажил лопатки. На бледной коже зияло Клеймо — угольно-черные, пульсирующие борозды, похожие на когтистые росчерки самой бездны. Оно не было выжжено — оно казалось частью его новой, отравленной сущности.

Последняя остановка перед бездной

Дорога к «Невермору» напоминала бесконечную черную ленту, выющую сквозь густые, задыхающиеся от тумана леса Вермонта. Внутри семейного «Кадиллака» Аддамсов стояла атмосфера, которую любой нормальный человек назвал бы погребальной, но для этой семьи она была обычным вторником.

Уэнсдей сидела у окна, неподвижная и холодная, как надгробная плита. На её плече, вцепившись пальцами в ткань черного пальто, замер Вещь. Его швы на запястье слегка подергивались в такт неровностям дороги. Он был единственным, кто понимал её без слов, и сейчас его неподвижность выражала солидарность с её нежеланием находиться здесь.

— О, моя маленькая грозовая тучка! Посмотри на этот пейзаж! — Гомес Аддамс, чей энтузиазм был столь же безграничен, сколь и утомителен, прижал ладонь к груди. — Разве это не прелестно? Идеальное место, чтобы зачихнуть от тоски.

Он повернулся к жене и с неистовой страстью поцеловал её руку до самого локтя.

— Мортиша, дорогая, этот воздух пахнет надеждой на катастрофу. Ты помнишь, как мы здесь впервые встретились?

Мортиша Аддамс ответила ему томным, полузакрытым взглядом.

— Как я могла забыть, мон шер? Ты тогда был так прекрасен в своем обвинении в убийстве...

Вещь на плече Уэнсдей выразительно сложил пальцы в жесте, имитирующем рвотный позыв. Уэнсдей едва заметно дернула уголком губ.

— Если вы закончили обмениваться любезностями над моей могилой, я бы хотела напомнить, что это не «путешествие по местам боевой славы», а депортация, — её голос прозвучал как удар скальпеля о кафель. — Вы отсылаете меня в школу-интернат, потому что я «слишком остро» отреагировала на попытку убийства моего брата.

— Уэнсдей, дорогая, — Мортиша перевела взгляд на дочь. Между ними всегда висела незримая стена. — Мы лишь хотим, чтобы ты была среди себе подобных. В «Неверморе» ты научишься контролировать свои способности.

— Я не хочу быть среди «себе подобных», мама. Я предпочитаю быть одна.

Пагсли, сидевший между ними, тихо всхлипнул, пытаясь незаметно поджечь фитиль самодельной петарды. Уэнсдей, не глядя, отобрала у него зажигалку и передала её назад, где Вещь ловко поймал её и спрятал в карман сиденья.

За рулем Ларч издал низкий, вибрирующий стон. Машина плавно повернула, и сквозь пелену дождя проступили очертания академии. Огромные готические шпили «Невермора» пронзали низкие тучи, выглядя как когти гигантского чудовища.

— Мы на месте, — торжественно объявил Гомес. — Твой новый дом, Уэнсдей.

Уэнсдей посмотрела на кованые ворота. Вещь спрыгнул с её плеча ей на колени и быстро застучал пальцами по её ладони: «Я с тобой. Будет весело».

— Это не дом, — прошептала она, сжимая холодные «пальцы» Вещи. — Это поле боя.

«Кадиллак» тяжело затормозил перед массивными коваными воротами. Ларч нажал на сигнал, и звук, низкий и гулкий, словно стон пробудившегося левиафана, разнесся над лесом. С лязгом железа о железо створки медленно разошлись в стороны.

Перед ними предстала Академия «Невермор». Она была величественна в своем уродстве. Огромное здание из серого камня, изъеденного временем и вечной сыростью, возвышалось над долиной, как готический собор, затерянный в кошмаре. Десятки шпилей, острых, как иглы, пронзали низкое свинцовое небо. Горгульи с вытарашенными глазами и хищными осками свисали с карнизов, словно застывшие в камне грешники, готовые в любой момент сорваться вниз. По стенам, обвивая стрельчатые окна, карабкался мертвый плющ, похожий на вены на руке мертвеца. В каждом изгибе архитектуры сквозило что-то чуждое человеческому глазу — геометрия здесь была ломаной, неправильной, вызывающей легкое головокружение.

— Какое очаровательное захолустье, — Мортиша вышла из машины, раскрыв над собой черный зонт, хотя дождь почти прекратился. — Здесь всё так же пахнет сырой землей и несбывшимися надеждами.

Уэнсдей спрыгнула на гравий. Она чувствовала, как сотни глаз из окон-бойниц наблюдают за ними. Вещь, высунувшись из рукава её пальто, быстро перебирал пальцами, указывая на главную лестницу.

Там, в окружении статуй, их уже ждали. Директор Лариса Уимс стояла в центре, величественная и непоколебимая, как скала. Её белоснежная улыбка была единственным светлым пятном на фоне мрачного фасада, и от этого она казалась еще более искусственной.

— Гомес! Мортиша! — её голос колокольным звоном разнесся по двору. — Прошло столько лет, а вы всё так же... по-своему прекрасны.

Пока родители обменивались светскими ядами с директором, Уэнсдей начала методично сканировать толпу учеников, высыпавших на балкон. Она видела пестрые компании оборотней в ярких куртках, сирен с их холодными взглядами и вампиров, прячущихся в глубоких тенях арок.

Но один силуэт выбивался из общей массы, притягивая взгляды сильнее, чем готические своды самой академии.

Чуть в стороне от парадного входа, прислонившись к статуе плачущего ангела, стоял юноша. Он выглядел так, словно сошел с обложки журнала для аристократов или со старинного полотна. У него были правильные, точеные черты лица, волевой подбородок и копна темных волос, которые легкий ветер небрежно бросал ему на лоб. В его облике не было неряшливости, присущей подросткам; каждая деталь — от идеально сидящего пальто до легкой, едва заметной полуулыбки — излучала уверенность и холодное спокойствие.

Мимо него, нарочито замедляя шаг, проходила стайка девушек в школьной форме. Сирены и оборотни, обычно высокомерные или шумные, сейчас то и дело бросали на него быстрые, полные надежды взгляды. Одна из них что-то тихо прошептала, и они дружно рассмеялись, оборачиваясь и ожидая, что он ответит им хотя бы кивком. Даже самые дерзкие ученицы замирали неподалеку, поправляя прически и надеясь поймать его внимание.

Юноша не игнорировал их — он одаривал каждую вежливой, ослепительно-красивой улыбкой. Но эта улыбка была странной: она казалась безупречной, как у профессионального актера, и совершенно пустой внутри.

Его взгляд, мягко скользнув по толпе поклонниц, внезапно остановился на новопривывшей гостье в черном. В то время как другие старались выглядеть лучше, эта девочка с косичками стояла неподвижно, как изваяние из темного мрамора. Юноша смотрел на неё не с обожанием или любопытством, а с глубоким, расчетливым интересом. Словно он увидел единственную деталь в этом цирке, которая действительно заслуживала его профессионального внимания.

Вещь на плече девочки внезапно напрягся. Его «указательный палец» медленно повернулся в сторону красавца, а затем быстро застучал по её ключице тревожную, рваную дробь: «Хищник. Слишком идеальный. Опасность».

Она не ответила на улыбку и не отвела взгляда. Внутри неё проснулась привычная тьма, отвечая на скрытый вызов этого «принца».

— Уэнсдей, дорогая, ты слушаешь? — Мортиша положила руку дочери на плечо, прерывая их безмолвную дуэль взглядов. — Директор Уимс говорит, что в этом году в школе действует программа обмена. Александр Блэк — лучший студент из своего заведения. Тебе стоит быть... дружелюбнее.

— Моё дружелюбие обычно заканчивается вскрытием, мама, — не оборачиваясь, ответила Уэнсдей. — А этот экземпляр выглядит так, будто его уже забальзамировали для выставки. Слишком уж он безупречен.

Она снова посмотрела на Блэка, но тот уже вежливо отвечал на какой-то вопрос директора, слегка склонив голову в изысканном жесте. В его красоте было что-то стерильное, пугающее своей правильностью.

Они двинулись к массивным дверям, вырезанным из цельных стволов столетнего дуба. Внутри «Невермор» не разочаровывал — он был воплощенным торжеством мрака и избыточности. Высокие сводчатые потолки терялись в густой тени, куда не дотягивался свет редких факелов, закрепленных в железных руках-держателях. Стены были увешаны гобеленами, которые за века выцвели до цвета запекшейся крови; на них были изображены сцены из истории изгоев, больше напоминавшие анатомические атласы или кошмары безумца. Под ногами скрипел холодный мрамор, и эхо от их шагов разлеталось по коридорам, словно за ними следовала невидимая свита.

— Здесь всё так же... уютно, — Гомес вдохнул пыльный воздух с таким видом, будто вдыхал аромат редчайших роз. — Мортиша, ты помнишь ту ночь в библиотеке?

— Каждую секунду, мон шер. Твои крики о помощи были столь мелодичны, — прошептала Мортиша, не сводя глаз с горгульи, охранявшей поворот.

Они поднялись по винтовой лестнице, ступени которой были стерты в центре поколениями учеников. Наконец, остановились перед дверью с тяжелым бронзовым кольцом в виде головы волка. Директор Уимс распахнула её, приглашая гостей в свой кабинет.

Кабинет Ларисы Уимс был сердцем этого каменного зверя. Огромное круглое пространство с высокими окнами-бойницами, через которые пробивался тусклый свет. В центре стоял массивный стол из мореного дуба, изъеденный временем. Стены занимали стеллажи с фолиантами в переплетах из кожи странных существ, а в углу тускло мерцал перламутром скелет сирены в полный рост.

— О, Лариса, — Мортиша провела кончиками пальцев по спинке бархатного кресла. — Здесь всё тот же запах... Старая бумага, сушеная белладонна и легкий привкус неминуемой гибели. Ничего не изменилось.

— Разве что пыли стало чуть меньше, какая жалость, — добавил Гомес, с обожанием озираясь по сторонам. Он подошел к каминной полке, где стоял старинный кубок. — Помнишь, Кара Миа, как мы прятались здесь во время комендантского часа? Твой смех тогда заглушал даже крики мандрагор.

Мортиша едва заметно улыбнулась, и этот жест был полон такой мрачной нежности, что Уэнсдей почувствовала, как в горле застрял комок сухого льда.

— Гомес, дорогая Мортиша, — Уимс грациозно опустила в свое кресло, сложив руки в замок. — Мы все храним... теплые воспоминания о ваших годах здесь. Но сегодня мы здесь ради Уэнсдей.

Директор перевела взгляд на девочку, которая стояла у окна, демонстративно игнорируя семейную идиллию. Уэнсдей разглядывала внутренний двор, где тени от горгулий накрывали гравий черными пятнами.

— Уэнсдей — уникальный случай, — продолжала Уимс. — Её таланты... специфичны. Но «Невермор» всегда был домом для тех, кто не вписывается в рамки даже среди изгоев.

— Мы надеемся, что она научится здесь контролировать свою тьму, — Мортиша посмотрела на дочь. — И, возможно, перестанет использовать брата в качестве наживки для акул.

— Это было научное исследование выносливости Пагсли, — холодно вставила Уэнсдей, не оборачиваясь. — К сожалению, его метаболизм оказался слишком быстрым для челюстей хищника.

Вещь, устроившийся на краю стола директора, согласно застучал пальцами по дереву.

— В любом случае, — Уимс вытащила из папки лист бумаги, — расписание составлено, комната подготовлена. Уэнсдей, ты будешь жить в «Офелия Холл». Твоя соседка — Энид Синклер.

При упоминании названия общежития Мортиша вдруг замерла, и её глаза на мгновение вспыхнули теплым, почти призрачным светом. Она обернулась к директору, прижав тонкие бледные пальцы к груди.

— «Офелия Холл»? Лариса, неужели это та самая комната? Наша с тобой старая комната?

Директор Уимс мягко кивнула, и на её лице впервые проступила настоящая, не дежурная ностальгия.

— Именно так, Мортиша. Я подумала, что это будет символично. Те же своды, тот же вид на внутренний дворик.

— О, Кара Миа! — Гомес мгновенно оказался рядом с женой, обхватывая её за талию. — Я помню это окно! Помнишь, как я забирался по плющу с окровавленной розой в зубах, а ты читала мне стихи о разложении и вечной муке? Это было так... гигиенично!

— Я помню, как ты сорвался и сломал себе два ребра, любимый, — прошептала Мортиша, касаясь его щеки. — Твои стоны боли были самой прекрасной музыкой той осени.

Уэнсдей, наблюдавшая за этой сценой, почувствовала, как по коже пробежал неприятный холодок — и вовсе не тот, который она любила.

— Энергичная соседка в комнате с «семейной историей»? — её голос прозвучал как лязг засова в склепе. — Вы превращаете мою ссылку в сентиментальный кошмар. Надеюсь, эта Энид не склонна к спонтанному пению или коллекционированию мягких игрушек. В противном случае, боюсь, комната Офелии оправдает свое название гораздо быстрее, чем вы ожидаете. Офелия, как известно, плохо кончила в окружении цветов.

Вещь на краю стола выразительно сложил пальцы в знак вопроса, словно спрашивая: «Мне уже начинать копать вторую яму?»

— Уэнсдей, дорогая, — Мортиша посмотрела на дочь с легкой, почти неуловимой грустью. — Иногда то, что мы ненавидим больше всего, становится нашей самой глубокой привязанностью.

— Сомневаюсь, — отрезала Уэнсдей, подхватывая свой рюкзак. — Я предпочитаю свои привязанности в забальзамированном виде.

Радужный террор Офелия Холл

Путь до Офелия Холл казался Уэнсдей дорогой на эшафот, только вместо палача её ждала неизвестность, пахнувшая жевательной резинкой. Родители остались внизу, обсуждая с Уимс детали её «перевоспитания», и теперь только Ларч, тяжело ступая по лестницам, тащил её массивные чемоданы.

Когда они остановились перед дверью с номером комнаты, Уэнсдей на секунду замерла. Она приложила ладонь к темному дереву, надеясь почувствовать эхо материнских воспоминаний, но вместо этого услышала приглушенный ритмичный грохот — нечто, напоминающее музыку, если бы её исполнял обезумевший станок.

Ларч толкнул дверь.

Уэнсдей сделала шаг внутрь и инстинктивно прикрыла глаза рукой, словно попала под прямой удар прожектора.

Комната была разрезана ровно пополам, как мозг пациента после лоботомии. Левая сторона, предназначенная для Уэнсдей, оставалась верна готическому идеалу — темное дерево, пыльные углы и серое марево из окна. Но правая сторона... она была похожа на взрыв на фабрике по производству единорогов. Постеры с корейскими поп-группами, гирлянды, светящиеся всеми цветами спектра, и такое количество розового, что у Уэнсдей зачесались глазные яблоки.

В центре этого хаоса, на кровати, заваленной плюшевыми тварями, сидела девочка. Её волосы были окрашены в пастельные тона, а на пальцах блестели разноцветные ногти.

— О. Мой. Бог! — взвизгнула девочка, вскакивая на ноги. — Ты Уэнсдей Аддамс, да? Привет-привет-привет! Я Энид Синклер. Мы теперь соседки, и это просто... Вау!

Она бросилась к Уэнсдей, явно намереваясь заключить её в объятия. Уэнсдей мгновенно выставила перед собой руку, и Вещь, выскочив из рукава, угрожающе растопырил пальцы, заставив Энид замереть на месте.

— Если ты коснешься меня, ты лишишься пальцев быстрее, чем успеешь сказать «радуга», — голос Уэнсдей был холоднее, чем лед на могиле.

Энид не испугалась. Напротив, её глаза расширились от восторга, когда она увидела Вещь.

— Офигеть! Живая рука! Это так... в стиле ретро-хоррора! Слушай, у меня тут есть лишний блеск для губ, если хочешь...

— Мои губы не видели ничего ярче черной помады с десяти лет, — Уэнсдей прошла к своей кровати и начала методично сбрасывать розовые подушки, которые Энид успела «любезно» подложить на её сторону. — Мы договоримся сразу. Между нашими половинами комнаты проходит невидимая граница. С твоей стороны — этот визуальный терроризм. С моей — тишина и покой. Любое нарушение границы будет караться... изобретательно.

Энид обиженно надула губы, но через секунду снова засияла.

— Окей, готичная принцесса, я поняла! Кстати, ты уже видела новенького? Ну, того, который по обмену? Он стоит во дворе, и, кажется, все девочки школы уже записались в очередь на «просто посмотреть». Его зовут Александр. Он такой... — Энид мечтательно закатила глаза, — ...как будто его нарисовали ангелы.

Уэнсдей замерла с чемоданом в руках. Она вспомнила тот взгляд у статуи ангела. Холодный, расчетливый взгляд, который никак не вязался с образом «нарисованного ангела».

— Ангелы обычно предвещают апокалипсис, Энид, — не оборачиваясь, бросила Уэнсдей. — И я сомневаюсь, что этот Александр прибыл сюда, чтобы позировать для твоих соцсетей.

Вещь, устроившись на тумбочке, быстро застучал пальцами: «Она слишком громкая. Можно я её укушу?»

— Нет, Вещь. Сначала нам нужно дезинфицировать нашу половину комнаты, — ответила Уэнсдей, открывая чемодан. — Лето обещает быть длинным.

Когда тяжелые шаги Ларча окончательно затихли в глубине коридоров, в «Офелия Холл» воцарилась противоестественная тишина. Гомес и Мортиша переступили порог следом за директором Уимс, и мир на мгновение замер, прежде чем Аддамсы столкнулись с реальностью нового пристанища своей дочери.

Первый удар был почти физическим: взгляд Гомеса наткнулся на «правый фланг» комнаты, принадлежащий Энид Синклер. Глава семейства пошатнулся, словно от внезапного приступа мигрени, взирая на неоновое буйство розового цвета и светящиеся гирлянды, которые напоминали результат взрыва на фабрике сладостей.

— Боже мой, Лариса, — прохрипел он, прикрывая глаза ладонью и указывая на сторону Энид, — это что, место преступления? Неужели здесь взорвался единорог?

В этот момент из-за баррикады плюшевых медведей на «яркой» стороне вынырнула Энид. Её глаза сияли так же вызывающе, как и её разноцветные ногти.

— О. Мой. Бог! — воскликнула она, сложив руки в молитвенном жесте и буквально излучая энтузиазм. — Вы, должно быть, родители Уэнсдей! Я Энид, её новая лучшая подруга... ну, то есть соседка! У вас просто потрясающие костюмы, это какой-то эксклюзивный винтаж?

Мортиша застыла, и на её лице отразилась та степень страдания, которую обычные люди испытывают лишь при самых изощренных пытках. Она медленно перевела взгляд с жизнерадостной девочки на постеры с корейскими айдолами, расклеенные по стенам.

— Это не костюм, милая, это состояние души, — тихим, бархатным голосом произнесла Мортиша. Затем она обернулась к дочери: — Уэнсдей, дорогая, я знала, что твоя ссылка будет суровой, но не подозревала, что тебя подвергнут воздействию всего спектра радуги одновременно. Это поистине жестокое испытание даже для тебя.

Энид, ничуть не смущенная холодным приемом, подскочила ближе, едва не коснувшись подола траурного платья Мортиши.

— Не переживайте, миссис Аддамс! Я уже присмотрела для Уэнсдей пару классных наклеек с блестками и неоновые ленты для её... эм... этой старой печатной машинки! Чтобы хоть немного освежить этот «склепный вайб», понимаете?

Гомес издал тихий, болезненный стон, похожий на предсмертный хрип, но, стоило ему повернуться к старой каменной кладке на «темной» половине комнаты, как боль в его глазах сменилась томным восторгом. Он проигнорировал предложение о блестках и прижал ладонь к сердцу.

— Кара Миа! В этой комнате до сих пор витает аромат твоих первых проклятий и пыли веков, — воскликнул он, и его голос задрожал от мрачного удовольствия. — Это место пропитано историей нашей боли!

Подойдя к Уэнсдей, которая неподвижно стояла у своей черной печатной машинки, Гомес положил тяжелую ладонь на её плечо и заглянул в её ледяные глаза.

— Моя маленькая скорпионша, — произнес он с нежностью, от которой по коже пробежал бы мороз. — Помни: если тебя попытаются сломить — сожги их надежды. Если попытаются приручить — покажи им, что такое настоящий кошмар.

Мортиша скользнула ближе, её бледная рука коснулась плеча дочери.

— Ты — Аддамс. В «Неверморе» ты встретишь либо верных союзников, либо достойных врагов. Я не знаю, что из этого принесет тебе большее наслаждение, — Мортиша протянула Уэнсдей маленькую коробочку, обитую поношенным черным бархатом. — Твой дедушка хранил здесь свои самые острые подозрения. Теперь они твои.

— Ого, — снова подала голос Энид, вытягивая шею, чтобы рассмотреть содержимое. — А там есть что-нибудь антикварное? Мы могли бы сделать крутой анбоксинг для моего блога! Прямо рядом с этой машинкой, это будет такой ретро-шик!

Уэнсдей медленно повернула голову к соседке, и её взгляд был холоднее, чем лезвие гильотины.

— Энид, если ты прикоснешься к моей печатной машинке или попытаешься «распаковать» мои подозрения, тебе понадобится блог о том, как научиться печатать пальцами ног.

Директор Лариса Уимс, чья безупречная улыбка уже едва скрывала нарастающее беспокойство, сделала приглашающий жест в сторону выхода.

— Какая... вдохновляющая семейная поддержка, — мягко заметила она, мечтая поскорее закрыть за гостями ворота академии.

Уэнсдей едва заметно кивнула родителям, сжимая в руках дар матери.

— Не беспокойтесь, — произнесла она, глядя им вслед. — Я постараюсь, чтобы это учебное заведение оставило на мне шрамы, которыми я смогу гордиться.

Процессия медленно покинула стены «Офелия Холл» и спустилась во внутренний двор академии, где у главных ворот, подобно огромному глянцевому жуку, замер черный «Кадиллак» Аддамсов. Туман здесь был гуще; он лениво обволакивал статуи горгулий, словно пытаясь скрыть их каменное уродство.

Ларч, стоящий у открытой дверцы машины, издал приветственный стон, который эхом отозвался в тишине двора. Гомес остановился и, обернувшись к замку, вдохнул полной грудью.

— Чувствуешь, Мортиша? Этот воздух пропитан амбициями и подавленными криками. Идеальный инкубатор для нашей дочери.

Он взял Уэнсдей за плечи и посмотрел на неё с такой гордостью, с какой другие отцы смотрят на диплом о высшем образовании.

— Помни, дорогая: если тебя попытаются заставить улыбаться — заставь их кричать. Это старый семейный девиз, который никогда нас не подводил.

— И не забудь подкармливать свои кошмары, — добавила Мортиша, поправляя воротник пальто дочери. — Они — твоя единственная верная компания в этом мире ярких красок.

В этот момент тишину двора нарушил размеренный хруст гравия. Недалеко от них, с кипой книг в руках, шел Александр Блэк. Его темные волосы казались почти нимбом в тусклом свете дня. Заметив его, Лариса Уимс заметно смягчилась в лице и жестом подозвала юношу.

— Александр! — звонко окликнула она. — Подойдите к нам на минуту.

Юноша послушно остановился и с безупречной грацией приблизился к группе. Уимс с гордостью посмотрела на Аддамсов.

— Позвольте представить вам Александра Блэка. Он прибыл к нам в начале семестра по программе обмена и уже успел стать одним из наших лучших учеников. Образец дисциплины и таланта. Александр, это семья Аддамс.

Александр вежливо склонил голову. Его голос был мягким, как дорогой бархат, но Уэнсдей заметила, как Вещь на её плече мгновенно сжался в кулак, готовый к защите.

— Рад знакомству, — произнес он, и его ясный взгляд на мгновение задержался на Уэнсдей. — Надеюсь, вам здесь понравится. «Невермор» — особенное место.

Гомес и Мортиша синхронно, словно по команде, повернули головы в сторону юноши. На мгновение воцарилось молчание. Гомес прищурился, его рука инстинктивно легла на рукоять трости.

— Какая... ослепительная безупречность, — проговорил он, и в его голосе прозвучало нечто среднее между подозрением и гадливостью. — Молодой человек, от вашей положительной репутации у меня заныли старые раны. Это впечатляющее оружие — быть таким... правильным.

Мортиша же, не сводя с Александра своего тяжелого, гипнотического взгляда, едва заметно втянула носом воздух.

— Странно, — почти пропела она. — От него пахнет альпийскими лугами и свежестиранным бельем. Гомес, мон шер, это самое пугающее, что я встречала за последние десять лет. У него абсолютно пустая аура. Ни одной тени, ни одного пятнышка греха.

Александр ни на секунду не потерял самообладания. Он встретил взгляд Мортиши с вежливым спокойствием, хотя в глубине его глаз на миг мелькнуло нечто острое, как лезвие бритвы. Он еще раз кивнул всем присутствующим и, получив короткое «благодарю» от директора, продолжил свой путь к библиотеке.

Гомес проводил его долгим, полным сомнений взглядом, после чего снова повернулся к дочери.

— Уэнсдей, — серьезно сказал он, — этот мальчик либо святой, либо самый опасный хищник в этом лесу. В любом случае, я жду подробного отчета о его вскрытии... метафорическом или буквальном. Тот, кто нравится учителям, всегда скрывает в подвале что-то очень интересное.

Мортиша грациозно скользнула в салон машины, оставив за собой шлейф аромата ночного жасмина и тлена. Гомес последовал за ней, и Ларч с тяжелым стуком захлопнул дверь. Когда «Кадиллак» медленно тронулся с места, Уэнсдей осталась стоять на дорожке, а Вещь,

выбравшись из-под её воротника, показал вслед уезжающей машине несколько быстрых и нервных знаков.

— Согласна, Вещь, — тихо ответила Уэнсдей, глядя на удаляющуюся фигуру «лучшего ученика». — Он слишком чист, чтобы быть человеком. Нам придется выяснить, где он прячет свои трупы.

Школьный дух «Невермора» в исполнении Энид оказался еще более шумным и хаотичным, чем Уэнсдей могла себе представить.

Когда «Кадиллак» окончательно скрылся за пеленой тумана, Уэнсдей почувствовала, как на её плечо легла тяжелая рука. Но это был не Вещь.

— Ну всё, предки свалили, теперь начинается настоящая жизнь! — Энид буквально светила от избытка энергии, игнорируя тот факт, что Уэнсдей смотрела на неё как на приговоренную к казни. — Ты приехала на три недели позже всех, так что пропустила самое сочное. Но не парься, у тебя есть я — твой личный GPS по миру школьных драм!

Уэнсдей попыталась ускорить шаг, но Энид, словно яркая прилипчивая тень, не отставала, на ходу указывая на группы студентов, заполнивших внутренний двор.

— Пойдем, я покажу тебе наш зверинец. Видишь тех парней, которые пытаются укунить друг друга за уши? Это «Меха» — наши оборотни. Шумные, пахнут мокрой псиной и постоянно воруют бекон из столовой. Я, кстати, из них, но я — «недобор», когти только по праздникам вылезают.

Они прошли мимо фонтана, где группа студентов в темных очках сидела в полном молчании.

— Это «Клыки», — понизила голос Энид. — Вампиры. Считают себя элитой, потому что могут не моргать по три часа. А вон там, у воды — «Чешуйки». Сирены. Если увидишь, что они снимают украшения, беги, иначе их пение превратит твои мозги в розовое смузи.

Вдруг Энид резко замерла и начала неистово махать рукой парню в шапке-бини, который неловко споткнулся о корень дерева, заметив её.

— О-о-о, а это Аякс! — прошептала она, и её щеки стали еще розовее куртки. — Он из «Каменных лиц», ну, горгонов. Один взгляд на его змей под шапкой — и ты буквально застынешь от восторга. У нас с ним... ну, понимаешь, всё сложно, но я очень надеюсь, что к Дикому балу мы перейдем от «привет-пока» к чему-то более монументальному. Главное, чтобы он меня случайно не петрифицировал на первом свидании.

Уэнсдей скользнула взглядом по группе подростков без лиц, которые стояли чуть поодаль, словно живые манекены.

— А эти? Потеряли индивидуальность в местной прачечной? — безжизненно спросила она.

— А, это Безликие, — отмахнулась Энид. — Они тихие. Идеальные слушатели, если тебе нужно выговориться, но играть с ними в «верю-не верю» —дохлый номер.

Уэнсдей остановилась, вновь заприметив Александра Блэка. Он всё так же сидел под старым дубом, погруженный в чтение. Вокруг него крутились сразу несколько сирен, но он, казалось, находился в ином измерении.

— А он? — безжизненно спросила Уэнсдей. — К какому виду изгоев относится наш «образец дисциплины»?

Энид мечтательно вздохнула, поправляя ярко-розовую прядь.

— Вот тут-то и загвоздка. Никто не знает! Он приехал в первый же день семестра и сразу стал местной иконой. Директор Уимс от него в восторге, учителя ставят его в пример, а девчонки... ну, ты видела. Он вежливый, умный и при этом ни с кем не сближается. Его называют «Принцем Невермора». Ходят слухи, что он из древнего угасающего рода, где-то из Европы, но он сам только улыбается в ответ.

Энид придвинулась ближе к Уэнсдей, перейдя на заговорщический шепот:

— Но есть одна сплетня. Бьянка — королева сирен — пыталась его «прощупать» своим голосом. И знаешь, что? На него это не подействовало. Вообще. Он просто перевернул страницу и спросил, не хочет ли она чаю. С тех пор Бьянка его ненавидит и обожает одновременно.

Уэнсдей проводила Александра взглядом. Вещь на её плече снова занервничал, быстро постукивая пальцами по её ключице.

— Ангелы, которые не поддаются голосу сирен, — прохладно заметила Уэнсдей. — В моих книгах такие существа обычно оказывались либо бездушными големами, либо профессиональными убийцами.

— Ой, да ладно тебе! — Энид пихнула её в бок. — Может, он просто... ну, знаешь, хороший человек? Хотя в «Неверморе» это, пожалуй, самый редкий вид изгоев. Идем, покажу столовую. Сегодня день «загадочного мяса», и если мы не поторопимся, оборотни съедят даже подносы!

Путь к столовой пролегал через длинную галерею, украшенную портретами самых выдающихся и пугающих выпускников «Невермора». Энид не умолкала ни на секунду, исполняя роль экскурсовода по школьному аду.

— И самое главное, — Энид наклонилась к Уэнсдей, понизив голос до театрального шепота, — остерегайся Бьянки Барклай. Она — королева сирен и местная пчеломатка. Если увидишь её в бассейне, не вздумай соревноваться — она чувствует твоё поражение еще до того, как ты коснешься воды.

В этот момент из-за поворота, едва не столкнувшись с ними, вышел высокий парень с растрепанными волосами и пронзительным взглядом. В руках он держал блокнот, испачканный углем. Он замер, на мгновение задержав взгляд на Уэнсдей, словно пытался зарисовать её образ в памяти, а затем молча кивнул и прошел мимо, оставив после себя запах краски и терпкого одиночества.

— А вот это был Ксавье Торп, — Энид проводила его взглядом, полным сочувствия. — Главный меланхолик школы. Он потрясающе рисует, но его картины... скажем так, они иногда оживают. Раньше он встречался с Бьянкой, представляешь? Самая яркая и самая мрачная пара года. Но там всё закончилось сложно, громко и с кучей разбитой посуды. Теперь он сторонится всех, а Бьянка прожигает его взглядом на каждом обеде.

Уэнсдей посмотрела вслед Ксавье. Его аура была пропитана секретами, которые она была не прочь вскрыть, как старую консервную банку.

— Тайны всегда интереснее открытых лиц, — прохладно заметила она.

Заметив, что Вещь на плече Уэнсдей нервно барабанит по пуговице пальто, Энид вдруг засияла. Она порылась в своем бездонном розовом рюкзаке и извлекла оттуда изящный тюбик.

— Слушай, — обратилась она к руке, — я заметила, что у тебя кожа совсем загрубела от этой дороги. У меня есть корейский крем с экстрактом ночного кактуса и маслом ши. Полное восстановление кутикулы и никакой липкости! Попробуешь?

Уэнсдей скептически приподняла бровь, готовясь осадить соседку, но Вещь... Вещь вдруг замер. Он осторожно спрыгнул с плеча Уэнсдей на протянутую ладонь Энид. После того как она выдавила капельку ароматного крема, рука начала блаженно втирать его в фаланги, имитируя нечто вроде довольного потягивания.

Через секунду Вещь одобрительно постучал пальцами по ладони Энид и даже кокетливо помахал ей «мизинцем».

— Предатель, — констатировала Уэнсдей, хотя в глубине души была удивлена. — Стоило пообещать тебе мягкую кожу, и ты уже готов продать наши семейные секреты за порцию розовой жижи.

— Ой, да ладно тебе, Уэнсдей! — Энид хихикнула, убирая крем. — Каждому нужно немного заботы, даже если ты — оторванная конечность. Вещь, у меня в комнате еще есть пилочка с алмазным напылением, заходи вечером!

Вещь ответил энергичным жестом «Окей», а Уэнсдей лишь тяжело вздохнула.

— Если мы закончили с косметическими процедурами, — отчеканила она, — я бы хотела увидеть место, где нас будут кормить тем, что здесь называют едой.

Школьная столовая встретила Уэнсдей гулом голосов и какофонией запахов, от которых у неё едва не возникло желание добровольно отправиться в склеп. Это было просторное помещение с высокими сводами, где за длинными дубовыми столами четко прослеживалась иерархия изгоев.

— Вот оно, сердце «Невермора»! — Энид бодро зашагала вперед, маневрируя между подносами. — Смотри, вон там, у окна, «Клыки». Они всегда едят что-то красное и обсуждают, чей род древнее. А посередине — оборотни, там всегда шумно и летят кости. Мы сядем вон там, поближе к...

Энид не договорила. Путь им преградила группа студентов, в центре которой, словно на невидимом троне, сидела Бьянка Барклай. Её серебристые глаза холодно блеснули, а на губах заиграла снисходительная улыбка, которую она обычно приберегала для тех, кого считала ниже своего достоинства.

— Энид, — протянула Бьянка, даже не глядя на неё, её внимание было приковано к Уэнсдей. — Я слышала, у тебя новая соседка. Но я не ожидала, что она будет выглядеть так, будто её только что эксгумировали.

Уэнсдей остановилась. Вещь, всё еще наслаждаясь мягкостью крема на пальцах, спряталась в кармане её пальто, готовый выскочить в любой момент.

— Бьянка, это Уэнсдей Аддамс! — попыталась сгладить ситуацию Энид, но в её голосе чувствовалась легкая дрожь. — Она... она очень талантливая, и она приехала всего через три недели после начала...

— Три недели — достаточный срок, чтобы понять, кто здесь правит, — перебила Бьянка, медленно вставая. Она сделала шаг к Уэнсдей, и по залу прошел шелест: «Чешуйки» притихли, предвкушая зрелище. — В «Неверморе» мы не любим тех, кто опаздывает. Особенно если они выглядят как персонажи черно-белого кино.

Уэнсдей ответила ей взглядом, в котором не было ни капли страха — лишь научный интерес патологоанатома.

— Твоя уверенность в себе впечатляет, — голос Уэнсдей прозвучал как хруст кости под тяжелым сапогом. — Обычно такая спесь встречается у людей, которым нечего предложить, кроме своего голоса. Я слышала, сирены поют, когда им нечего сказать. Надеюсь, ты не собираешься здесь музицировать? У меня очень чувствительный слух к фальшивым нотам.

Бьянка на мгновение замерла, её глаза сузились. В столовой повисла такая тишина, что было слышно, как на кухне упала вилка.

— Ого, — прошептала Энид, пятясь назад. — Это было... жестко.

Бьянка усмехнулась, но в её взгляде появилось нечто опасное.

— У тебя острый язык, Аддамс. Но здесь, в «Неверморе», одних слов мало. Посмотрим, как ты запоешь, когда столкнешься с реальностью.

Она круто развернулась, взмахнув волосами, и отошла к своей компании. Энид облегченно выдохнула, схватив Уэнсдей за локоть.

— Ты с ума сошла! Никто так не разговаривает с Бьянкой! Она же... она же тебя уничтожит!

— Она уже сделала это в своем воображении, — безразлично ответила Уэнсдей, направляясь к раздаче еды. — Но воображение сирен так же мелко, как и их среда обитания.

В этот момент Уэнсдей почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, она увидела Ксавье Торпа. Он сидел в углу, один, и его рука быстро двигалась по бумаге блокнота. Когда их глаза встретились, он не отвел взгляда, лишь едва заметно приподнял бровь, словно ставя оценку её выступлению.

Вечер в «Офелия Холл» наступил быстро, окутав замок густыми синими тенями. В комнате установилось странное, почти симфоническое разделение звуков. С одной стороны — агрессивно-бодрый поп-рок, доносящийся из наушников Энид, а с другой — сухой, ритмичный лязг печатной машинки, напоминающий пулеметную очередь.

Уэнсдей сидела за своим столом, идеально выпрямив спину. Чистый лист бумаги стремительно заполнялся черными буквами.

«Мой первый день в "Неверморе" напоминает вскрытие без анестезии: шумно, грязно и полно неприятных открытий. Академия кишит изгоями, которые настолько отчаянно пытаются казаться нормальными, что это вызывает у меня рвотный рефлекс. Сирены с их фальшивыми голосами, оборотни, чьи амбиции не идут дальше куска сырого мяса... И Ксавье Торп. Художник, который смотрит на мир так, будто тот уже мертв. Возможно, в этом мы с ним сойдемся...»

Она на мгновение замерла, прислушиваясь к странному шороху за спиной. Обернувшись, Уэнсдей увидела картину, которая заставила бы её предков содрогнуться от ужаса.

Вещь, её верный сообщник и наследник семейных тайн, удобно расположился на пушистом розовом коврикe Энид. Рядом стояла целая батарея баночек с блестками, масками и лосьонами. Энид, высунув кончик языка от усердия, аккуратно наносила на «запястье» Вещи густую зеленую субстанцию.

— Тебе понравится, Вещь! Это маска с морскими водорослями, она выводит токсины, — ворковала Энид. — После неё твои швы будут выглядеть просто божественно, такими эластичными!

Вещь в ответ блаженно растопырил пальцы и издал серию довольных щелчков по паркету.

— Вещь, я разочарована, — голос Уэнсдей разрезал воздух, как лезвие. — Твоя преданность семье оказалась дешевле, чем экстракт ламинарии. Если завтра ты не сможешь держать нож из-за «излишней мягкости», я использую тебя как подставку для карандашей.

Рука на мгновение замерла, виновато поджав указательный палец, но Энид лишь весело отмахнулась.

— Ой, да ладно тебе, Уэнсдей! Даже суровым наемникам нужен спа-день. Кстати, как тебе первый день? Кроме того, что ты едва не устроила дуэль на вилках с Бьянкой?

Уэнсдей повернулась обратно к машинке, и её пальцы снова застучали по клавишам.

— Это место — лабиринт из дешевых секретов и гормональных всплесков. Но Бьянка — это всего лишь шум. Меня больше беспокоит «чистота» некоторых местных обитателей.

Утро в «Неверморе» началось с пронзительного звона колокола, который Уэнсдей сочла бы приятным, если бы он не означал начало учебного дня. Коридоры академии мгновенно заполнились хаосом: оборотни на бегу дожевывали сэндвичи, сирены поправляли украшения, сверяясь с каждым зеркалом, а горгоны в низко надвинутых шапках старались ни с кем не сталкиваться взглядами.

Уэнсдей шла сквозь толпу, словно ледокол, заставляя студентов инстинктивно расступаться. Энид, как обычно, семенила рядом, пытаясь на ходу покрасить ногти и пересказать расписание.

— Первый урок — ботаника у мисс Торнхилл, это в теплицах, — тараторила Энид. — Она единственная «норми» в штате, но ведет себя так, будто родилась среди мандрагор. Главное, не давай плотоядным плющам пробовать твои пальцы на вкус, они очень привередливы.

Они свернули во внутренний дворик, где суэта была особенно заметна. Уэнсдей невольно замедлила шаг. Возле фонтана стояла группа старшекурсниц, которые о чем-то оживленно шептались, то и дело бросая восторженные взгляды в сторону каменной арки. Там, в тени колонн, Александр Блэк о чем-то негромко разговаривал с Ксавье Торпом.

Картина была странная: безупречный, залитый утренним светом Александр и Ксавье, чей вид — испачканные краской пальцы и хмурый взгляд — резко контрастировал с «ангельским» образом собеседника. Ксавье что-то резко ответил, сложив руки на груди, на что Александр лишь понимающе улыбнулся и похлопал его по плечу. Этот жест выглядел настолько покровительственным, что Уэнсдей почувствовала, как Вещь в её рюкзаке недовольно шевельнулся.

— Видишь? — Энид проследила за её взглядом. — Даже наш угрюмый художник не может устоять перед обаянием Блэка. Хотя, судя по лицу Ксавье, он скорее предпочел бы сейчас рисовать его на эшафоте, чем обсуждать учебный план.

— Дружба между хищником и его жертвой всегда начинается с вежливости, — прокомментировала Уэнсдей, отворачиваясь. — Идем, я не хочу опоздать на встречу с растениями, которые хотя бы не скрывают своего желания меня съесть.

В теплицах пахло прелой землей и чем-то приторно-сладким. Студенты занимали места за длинными столами, уставленными горшками с подозрительно шевелящейся зеленью. Уэнсдей выбрала самое удаленное место, но, к её неудовольствию, Ксавье Торп, зашедший в класс последним, сел за соседний верстак.

— Твоя очередь удивлять, Аддамс, — негромко произнес он, не глядя на неё и раскладывая свои инструменты. — В школе только и разговоров, что о твоём «теплом» приеме Бьянки в столовой. Она обычно не прощает таких публичных пощечин.

— Я не даю пощечин, Ксавье, — Уэнсдей методично натягивала резиновые перчатки. — Я провожу трепанацию эго. Если Бьянка хочет мести, пусть встает в очередь. Мой список врагов длиннее, чем история этого замка.

Ксавье едва заметно усмехнулся и открыл блокнот. Уэнсдей боковым зрением заметила на свежей странице резкие, быстрые штрихи — очертания ворот школы и чей-то силуэт, подозрительно напоминающий её собственный.

Учебный день превратился в череду испытаний для нервной системы Уэнсдей. После теплиц, где она демонстративно игнорировала Ксавье, последовала история изгнаний. Кабинет напоминал пыточную, но только из-за обилия пыли и невыносимо скучных дат. Пока учитель монотонно бубнил о восстаниях средневековых монстров, Уэнсдей методично выстраивала на полях тетради схему идеального побега из школы.

— Ты пропустила контрольную по инквизиции, — прошептал Ксавье, сидевший за соседним столом. Он снова пытался поймать её взгляд. — Могу одолжить конспекты.

Уэнсдей даже не повернула головы, её перо продолжало чертить острые, как шипы, линии.

— Моя семья была по обе стороны инквизиции, Торп. Я знаю об этом периоде больше, чем написано в твоих засаленных бумажках. И я не принимаю подачек.

Затем наступило время урока музыки в готическом зале с высокими сводами. Пространство было заполнено студентами с самыми разными инструментами: от классических скрипок

до странных арф, на которых играли сирены. В воздухе стоял хаос из звуков настройки, который Уэнсдей сочла бы приятным, если бы он не предвещал попытку сотворить «искусство».

Уэнсдей достала свою виолончель. Черное дерево инструмента поглощало тусклый свет ламп, а смычок в её руке выглядел как изящное холодное оружие.

— Опять виолончель? — раздался за спиной знакомый голос. Бьянка Барклай, державшая в руках флейту из темного дерева, остановилась рядом. — Это так... предсказуемо. Хочешь казаться особенной, выбирая самый мрачный инструмент?

Уэнсдей медленно провела канифолью по смычку.

— Виолончель не пытается казаться особенной, Бьянка. В отличие от флейты, она не нуждается в чужом дыхании, чтобы звучать. Она резонирует с пустотой. Тебе, как сирене, должно быть знакомо чувство, когда внутри ничего нет, кроме эха.

Бьянка прищурилась, но прежде чем она успела ответить, преподаватель постучал палочкой по пюпитру. Задание было простым: свободная импровизация на заданную тему «Одиночество».

Когда очередь дошла до Уэнсдей, зал погрузился в мертвую тишину. Она не играла мелодию в привычном понимании — она извлекала из виолончели звуки, которые могли бы сопровождать падение проклятой династии. Смычок терзал струны, рождая низкий, рокочущий гул, напоминающий стон самой земли под тяжестью кладбищенских плит. Это была симфония разложения и величественного одиночества; звуки рикошетили от каменных сводов, становясь осязаемыми, словно ледяной туман, пробирающийся под одежду. В каждом движении Уэнсдей сквозила холодная ярость, превращающая музыку в погребальный костер, который не согревал, а лишь освещал пустоту.

На балконе для зрителей Ксавье Торп замер, вцепившись пальцами в резные перила. Он не рисовал. Он слушал, и в его взгляде читалось странное, почти болезненное узнавание — словно эта музыка была написана чернилами из его собственных кошмаров. Внизу, в полумраке зала, безликие студенты застыли, как безжизненные манекены, а Бьянка Барклай невольно сжала свою флейту так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Когда последний вибрирующий аккорд затих, оставив после себя лишь звон в ушах, Уэнсдей медленно опустила смычок.

— Твоя музыка... она не для живых, Адамс, — тихо, почти с опаской произнесла Бьянка, когда общее оцепенение спало.

— Живым она и не нужна, — безжизненно ответила Уэнсдей, не глядя на неё. — Они слишком заняты тем, что тратят свое время впустую.

После урока, когда Уэнсдей аккуратно укладывала виолончель в чехол, к ней подлетела Энид, чьи разноцветные когти нервно постукивали по чехлу телефона.

— Уэнсдей, это было... ну, очень депрессивно! Даже для тебя! У меня мурашки до сих пор бегают марафон по спине, — Энид попыталась улыбнуться, хотя в глазах еще стоял холод от услышанного. — Слушай, сейчас будет свободный час. Пойдем в город? Аякс обещал показать мне новые трюки на скейте у фонтана в Джерико. Там открылась лавка с винтажными пластинками, тебе должно понравиться — там пахнет плесенью и старым пластиком! Пойдем, развеемся?

Уэнсдей застегнула тяжелый замок чехла. Звук металла прозвучал как окончательный приговор.

— Развеиваться — удел праха и плохо закрепленных улик, Энид. У меня другие планы.

— Ой, да ладно, — разочарованно протянула подруга. — Неужели ты весь вечер просидишь в нашей комнате?

— Свое свободное время я трачу на роман, — отчеканила Уэнсдей, закидывая рюкзак на плечо. — Мои герои не могут вечно томиться в застенках моего воображения только потому, что тебе захотелось посмотреть на горгон, падающего со скейта. Каждое пропущенное слово — это предательство сюжета. А я не прощаю предательства.

Вещь, высунувшись из рюкзака, разочарованно поник пальцами. Он явно рассчитывал на новую порцию увлажняющего крема из Джерико, но, встретив ледяной взгляд Уэнсдей, тут же послушно спрятался обратно.

— Ладно-ладно, пишущая машинка важнее личной жизни, я поняла, — вздохнула Энид, уже на ходу поправляя берет. — Тогда увидимся перед отбоем. Постарайся не убить никого в своем романе слишком жестоко... хотя кого я обманываю?

Уэнсдей проводила её взглядом и направилась в сторону «Офелия Холл». Одиночество было единственным обществом, которое она по-настоящему ценила.

В комнате царил привычный для Уэнсдей полумрак, нарушаемый только сухим, беспощадным стрекотом печатной машинки. Вещь, расположившись на краю стола, увлеченно перелистывал каталог винтажных ножей, иногда одобрительно постукивая по изображениям особенно острых лезвий.

Уэнсдей заканчивала страницу, когда дверь буквально влетела внутрь вместе с Энид. Подруга выглядела так, будто только что пробежала марафон через радугу — щеки горели, а в волосах застряло несколько конфетти.

— Уэнсдей! Ты не поверишь! — Энид рухнула на свою кровать, раскинув руки. — Аякс... он... он пригласил меня помочь ему с оформлением лавки на Дне Единения! Это практически свидание, только в окружении кучи людей и запаха попкорна!

Уэнсдей замерла, её пальцы зависли над клавишами.

— День Единения? — медленно переспросила она, и в её голосе прозвучало нескрываемое отвращение. — Звучит как название массового культа, который заканчивается коллективным отравлением пуншем.

— Ой, да ладно тебе! — Энид приподнялась на локтях. — Это главный праздник в Джерико. Весь город и «Невермор» празднуют мирное сосуществование. Директор Уимс просто одержима этим. Все студенты должны работать в парке Пилигримов — мы надеваем дурацкие чепчики и костюмы того времени, продаем сувениры и делаем вид, что последние несколько веков никто никого не пытался сжечь на кострах.

Уэнсдей медленно повернулась на стуле. Её взгляд стал тяжелым.

— Праздник в честь людей, которые вытеснили моих предков с их земель и называли это «цивилизацией»? — она прищурилась. — Ты хочешь сказать, что нас заставят прислуживать потомкам тех, кто мечтал видеть нас в кандалах?

— Ну, официально это называется «волонтерство во имя дружбы», — Энид неловко поправила прядь волос. — Но это отличный шанс выбраться из школы. В парке Пилигримов будет ярмарка, выступление мэра и куча еды. Плюс, это традиция. Мы показываем горожанам, что мы «безопасные» и «дружелюбные».

— Безопасность — это иллюзия, которую «нормисы» покупают ценой нашей гордости, — отчеканила Уэнсдей. — Идея нарядиться в костюм пилигрима вызывает у меня желание проверить остроту топора. Но если директор Уимс так настаивает на «единении», я с радостью внесу свой вклад. В конце концов, нет ничего более объединяющего, чем общее осознание того, насколько лжива их история.

Вещь предостерегающе пошевелил пальцами, но Уэнсдей лишь холодно усмехнулась.

— Энид, расскажи мне поподробнее об этом парке. Если я собираюсь провести день в окружении фальшивых улыбок и исторических подделок, мне нужно знать, где находятся самые темные углы этой «праздничной» декорации.

Глава: Фасад единства

Утро в «Неверморе» началось с организованного хаоса. По коридорам летали безликие с охалками искусственных цветов, а преподаватели, обычно суровые и отстраненные, сегодня напоминали суетливых организаторов провинциального цирка. Директор Уимс лично инспектировала каждый чепчик и каждую пряжку на костюмах студентов, сияя той самой улыбкой, за которой скрывалась стальная воля и страх перед плохим пиаром.

— Помните, дети, — её голос разносился по вестибюлю, — сегодня мы не просто изгой. Мы — послы доброй воли. Улыбайтесь так, будто вы не мечтаете превратить горожан в камень. На кону репутация академии!

Энид, уже облаченная в коричневое платье пилигрима с белым фартуком, крутилась перед зеркалом, пытаясь придать наряду стиль с помощью неоновых значков.

— Уэнсдей, ну надень ты его! — умоляла она, протягивая соседке накрахмаленный белый чепец. — Уимс тебя живьем закопает!

— Пусть копает, — отрезала Уэнсдей, надевая черное платье с острым белым воротником. — Чепцы вызывают у меня ассоциации с лоботомией. Я буду олицетворять ту часть истории, о которой Джерико предпочитает молчать. Смертную казнь и чуму.

Через час школьный автобус высадил их в Парке Пилигримов. Это место было воплощением пасторальной мечты: аккуратные бревенчатые хижины, свежесмытые заборы и дорожки, посыпанные чистым речным песком. В центре площади возвышался массивный бронзовый памятник Джозефу Крэкстоуну, который сурово взирал на толпу, сжимая в руке железную трость. Всё вокруг было залито солнцем, и студенты «Невермора» выглядели здесь как декоративные тени.

— Дамы и господа! — голос мэра Уокера разнесся над толпой. Он стоял на трибуне, сияя белозубой улыбкой. — Сегодня мы празднуем единство!

Рядом с ним стояла Лариса Уимс. Её светло-серый костюм идеально гармонировал с официальным настроением дня.

— Академия «Невермор» гордится тем, что является частью этого сообщества, — подхватила она, и её голос лился как патока.

Уэнсдей заняла свое место за прилавком «Мира сладостей Пилигримов». Рядом, у соседней лавки, Юджин в своем нелепом чепце, который постоянно сползал ему на очки, отчаянно пытался привлечь внимание прохожих.

— Мед от «Жужжащих братьев»! — выкрикивал он. — Собран лично нашими пчелами!

— Юджин, — не оборачиваясь, произнесла Уэнсдей. — Твой энтузиазм пугает покупателей. Они думают, что в банках заперты души твоих жертв.

— Но это же просто липовый мед, Уэнсдей... — пробормотал он.

В этот момент к прилавку Уэнсдей подошел местный подросток. Он окинул её насмешливым взглядом и хихикнул:

— Девушка, а это печенье точно не заколдовано?

Уэнсдей медленно подняла на него свой тяжелый, безжизненный взгляд. В её зрачках, казалось, отразились все тени парка сразу.

— В нем нет магии, — голос её прозвучал как шорох сухой земли над гробом. — Только мука, сахар и щепотка осознания того, что твои предки построили этот парк на костях тех, кого они называли дьяволопоклонниками. Приятного аппетита.

Парень поперхнулся смехом. Улыбка мгновенно сползла с его лица, и он неловко попятился, поспешив скрыться в толпе.

В это же время на главной аллее Бьянка Барклай превратила свою точку по продаже сувениров в настоящий светский салон. На ней костюм пилигрима сидел с вызывающим изяществом. Она смеялась, кокетничала с горожанами и покровительственно хлопала по плечам младшекурсников, всем своим видом показывая, кто здесь настоящая королева.

Толпа вдруг расступилась, и по парку прошел Александр Блэк. Он был единственным, на ком наряд пилигрима смотрелся органично, словно он сошел с парадного портрета семнадцатого века. Он нес корзину с белыми лилиями, раздавая их пожилым леди, и каждая его улыбка вызывала у местных жителей приступ необъяснимого доверия.

Александр остановился у лавки Юджина, купил банку меда и вежливо поблагодарил мальчика. Проходя мимо Уэнсдей, он на мгновение задержал на ней взгляд. Его улыбка была мягкой, но абсолютно непроницаемой.

— Это было жестко, даже по моим меркам, — тихо сказал Юджин, подходя к Уэнсдей, когда подростки скрылись. — Но ты права. История — это не только сахарная пудра.

Уэнсдей повернулась к нему, глядя, как он поправляет очки.

— Ты продал хоть одну банку, Юджин?

— Александр Блэк купил одну, — с гордостью сообщил он. — И сказал, что это лучший мед в округе. Он такой... понимающий.

День медленно клонился к закату. Когда официальные речи смолкли и парк начал пустеть, Уэнсдей начала методично складывать оставшееся печенье в коробку. Она смотрела на радостную Бьянку, на сияющего Александра и на счастливую Энид, которая наконец-то нашла Аякса у фонтана. Весь этот праздник был лишь яркой оберткой, скрывающей старые шрамы, и Уэнсдей знала: рано или поздно эта обертка порвется.

Глава: Танец стали и горький кофе

Школьная рутина «Невермора» затягивала, как болото. Уроки литературы сменялись нудными лекциями по праву изгоев, а перемены были наполнены бесконечным шепотом и хлопаньем шкафчиков. Уэнсдей шла по коридорам, игнорируя яркие плакаты, анонсирующие грядущие события, и методично вычеркивала из блокнота задачи на день. Для неё этот день был лишь очередным промежутком времени, который нужно было заполнить смыслом или хотя бы тишиной.

Единственным ярким пятном в этом сером графике был урок фехтования.

В спортзале пахло мелом и холодным металлом. Студенты в белых защитных костюмах напоминали безликих призраков. В центре зала, на дорожке, Бьянка Барклай заканчивала разминку. Когда Уэнсдей вышла вперед, зал притих. Она была единственной, кто выбрал костюм угольно-черного цвета.

— Решила примерить маску палача, Аддамс? — голос Бьянки из-за сетки шлема звучал насмешливо. — Предупреждаю, здесь нужна техника, а не просто пугающий взгляд.

— Техника — это лишь имитация инстинкта, — Уэнсдей медленно подняла рапиру.

Тренер подал сигнал. Бьянка атаковала стремительно, её выпады были гипнотически ритмичными. Звон стали заполнил зал. Уэнсдей не отвечала на провокации, она ждала. Когда Бьянка сделала глубокий выпад, Уэнсдей резко ушла с линии атаки. Контрудар был молниеносным. Теперь наступала Уэнсдей — её стиль был агрессивным и пугающе эффективным.

Возле стены за боем наблюдал Ксавье, забыв про свой блокнот. Чуть поодаль стоял Александр Блэк. Он наблюдал за поединком с легкой, едва заметной улыбкой, сохраняя полное спокойствие и неподвижность, словно оценивал мастерство двух равных хищников.

— Первая кровь! — выкрикнула Бьянка, когда её рапира всё же коснулась груди Уэнсдей, а следом — случайно задела её щеку.

Уэнсдей подняла маску. На бледной коже проступила тонкая красная линия.

— Ты нарушила правила, Барклай. Это был не спортивный укол, — холодно заметила она.

— В «Неверморе» выигрывает тот, кто готов идти до конца, — Бьянка победно вскинула голову. — Увидимся на воде. Посмотрим, как ты поплывешь, когда правила вообще перестанут существовать.

Уэнсдей лишь молча проводила её взглядом.

Чуть позже в столовой, когда Уэнсдей пыталась смыть привкус стали глотком горького кофе, к ней подседа взбудораженная Энид.

— О боже, я слышала про дуэль! Ты в порядке? — Энид едва не опрокинула поднос. — Но Бьянка права в одном: тебе нужно подготовиться.

— Подготовиться к чему? К её очередному приступу самолюбования? — Уэнсдей равнодушно смотрела в чашку.

— К Кубку По! — Энид округлила глаза. — Уэнсдей, это же главное событие семестра! Гонка на каноэ по озеру. Каждая команда пытается потопить другую всеми доступными способами. Это традиция в честь Эдгара Аллана По. Бьянка выигрывает его каждый год, и она уже пообещала, что «Черные кошки» — это моя команда — пойдут ко дну первыми.

Уэнсдей медленно подняла глаза на Энид. В голове начали складываться кусочки пазла: вызов Бьянки, её слова про воду и эта нелепая традиция.

— Значит, гонка без правил на выживание? — Уэнсдей на мгновение задумалась. — И Бьянка считает, что озеро — это её территория?

— Она в этом уверена, — вздохнула Энид. — Нам не хватает одного гребца, и никто не хочет связываться с сиренами.

Уэнсдей поставила чашку на стол. Звук был сухим и окончательным.

— Записывай меня, Энид. Я не умею петь, как сирены, но я отлично знаю, как заставить их замолчать. Если Бьянка хочет крови на воде — она её получит.

Глава: Когти «Черных кошек»

Ночной эллинг академии был погружен во тьму, нарушаемую лишь тусклым светом фонаря, который держал Вещь. В воздухе стоял резкий запах черной краски, эпоксидной смолы и холодного металла.

Пока Уэнсдей, чье лицо было испачкано в мазуте, методично затягивала болты на скрытых механизмах в носовой части каноэ, Энид с фанатичным блеском в глазах раскладывала на верстаке их экипировку.

— Та-дам! — Энид торжественно подняла вверх два черных шлема, к которым были намертво приклеены треугольные кошачьи уши. — Я потратила три часа, чтобы они сидели идеально и не отвалились при маневрах. Ну как?

Уэнсдей медленно выпрямилась, держа в руке тяжелый гаечный ключ. Она перевела взгляд с острого абордажного крюка на шлем с ушами.

— Энид, я надеялась, что наше унижение ограничится только обществом сирен, но ты решила довести его до абсолюта. Если я погибну в этом озере, я требую, чтобы в моем некрологе указали: «Скончалась от эстетического шока, вызванного избытком кавай».

— Ой, перестань! — фыркнула Энид, примеряя свой шлем. — Это командный бренд! Мы — «Черные кошки», а не «Мрачные надгробия». В этих ушках мы будем выглядеть как милые, но очень опасные хищницы.

— Мы будем выглядеть как результат неудачного эксперимента в японской анимации, — отрезала Уэнсдей. — Но если это заставит Бьянку Барклай хотя бы на секунду замереть от когнитивного диссонанса, пока я буду пробивать дно её лодки, я готова пойти на эту жертву.

Вещь в это время увлеченно помогал Энид, украшая борта каноэ розовыми полосками, которые на самом деле маскировали острые шипы.

— А это еще зачем? — Уэнсдей указала на розовый декор.

— Для маскировки! — Энид хитро подмигнула. — Никто не ждет, что лодка с розовыми полосочками может выпустить шипы и разрезать чужое весло пополам.

— Твое коварство начинает меня пугать, Энид. Продолжай в том же духе, — Уэнсдей вернулась к работе над секретным механизмом.

Внезапно дверь эллинга скрипнула. Из теней вышел Ксавье. Он остановился, переводя взгляд с суровой Уэнсдей в мазуте на радостную Энид в кошачьих ушах.

— Я даже не знаю, что меня пугает больше: эти крюки на носу или ваш внешний вид, — заметил он. — Бьянка уверена, что вы даже не доберетесь до первого буя. Она считает, что «Черные кошки» просто утонут под тяжестью собственного розового гламура.

— Передай Бьянке, что её самоуверенность станет её балластом, — Уэнсдей бросила ключ на пол с гулким звоном. — Завтра она узнает, что у кошек есть не только уши, но и когти, способные вскрывать металл.

Ксавье усмехнулся.

— Я поставил на вас. Постарайтесь не заставить меня пожалеть о моих карманных деньгах.

Когда он ушел, Уэнсдей посмотрела на готовую лодку. На черной корме Вещь уже вывел аккуратными буквами название команды.

— Завтра, Вещь, — тихо произнесла Уэнсдей, — вода станет колыбелью для чьих-то амбиций. И я сделаю всё, чтобы это была не наша могила.

Глава: Кубок По — Кровь на черной воде

Озеро у подножия академии «Невермор» в это утро напоминало не школьный водоем, а декорацию к древнему языческому ритуалу. Вода, обычно зеркально-спокойная, сегодня была тяжелой и свинцово-серой, словно впитала в себя всё предгрозовое напряжение небес. Над поверхностью стелился рваный туман, пахнувший гниющими водорослями, сырой хвоей и чем-то металлическим — холодным, предсмертным запахом битвы.

Берег гудел. Трибуны, сколоченные из потемневшего от времени дуба, стонали под тяжестью сотен учеников. Это был не просто шум — это был рев многоголового зверя. Вампиры в темных очках шипели, предвкушая зрелище; оборотни выли, сотрясая густой воздух; горгоны свистели, а сирены издавали мелодичные, но пугающие трели, вибрирующие в самой глубине костей. Пестрые флаги факультетов хлопали на ветру, как крылья огромных стервятников, кружащих над будущим пепелищем.

Уэнсдей Аддамс стояла на пирсе, чувствуя, как ледяной ветер колючими пальцами кусает её щеки. Она поправила воротник своего черного гидрокостюма. На голове красовался шлем с кошачьими ушами — нелепый атрибут, который в её исполнении выглядел как часть ритуального облачения средневекового палача. Рядом Энид, подпрыгивая на месте от избытка адреналина, бешено растирала плечи. Её лицо было разлиновано черными полосками — боевой раскрас, который делал её похожей на милого, но смертоносного хищника, вышедшего на тропу войны.

На воде покачивались четыре каноэ. Первыми, ослепляя присутствующих, замерли «Золотые Жуки» сирен. Их лодка, обитая латуней, вызывающе блестела. Бьянка Барклай стояла на носу, скрестив руки на груди. Её взгляд был пустым и холодным, как у белой акулы. Два года подряд она поднимала кубок, и этот триумф стал для неё второй кожей.

Чуть поодаль готовились «Колодец и Маятник» вампиров. Их каноэ, выкрашенное в цвет застоявшейся венозной крови, имело устрашающий нос-топор. Третьими были «Бочонок Амонтильядо» — команда оборотней в ядовито-фиолетовых костюмах с бубенчиками, чей вид вызывал лишь обманчивое чувство несерьезности.

И, наконец, «Черные Кошки». Лодка Уэнсдей и Энид казалась черной дырой, поглощающей пространство. Матовое покрытие не отражало свет, делая каноэ почти невидимым на фоне свинцовой воды. Никакого блеска. Только функциональная тьма.

Бьянка прошла мимо, намеренно задев плечом Уэнсдей. Запах её духов — морская соль и дорогие цветы — ударил в нос приторной волной.

— Вода — это моя территория, Аддамс, — бросила она, не оборачиваясь. — Мое имя уже начали гравировать на кубке.

— Самоуверенность — это первый шаг к утоплению, Бьянка, — ровно отозвалась Уэнсдей. — Я же предпочитаю, чтобы мои победы гравировали на надгробиях моих врагов.

— На старт! — проревел голос судьи.

Грохот выстрела разорвал туман. Вода взорвалась фонтанами брызг.

Первые метры были самыми тяжелыми. Уэнсдей чувствовала, как весло сопротивляется воде, словно та превратилась в густую смолу. Мышцы спины мгновенно отозвались острой болью, но она лишь крепче сжала рукоять. «Раз! Два! Раз! Два!» — Энид задавала ритм, её дыхание стало тяжелым и хриплым, а движения — зверино-четкими.

Гонка едва началась, как «Шуты»-оборотни пошли на абордаж. Один из них оскалился, занося тяжелое весло для удара по борту «Кошек».

— Упс! — вскрикнула Энид с фальшивым испугом, якобы теряя равновесие.

Её рука метнулась под воду, и с громким щелчком из подушечек пальцев вылетели когти. Одним мощным, вспарывающим движением она распоролла днище их пестрой лодки. Радостный гогот сменился паническим воем, и «Шуты» начали стремительно погружаться в холодную бездну.

— Минус один, — выдохнула Уэнсдей, не сбавляя темпа.

Но Бьянка уже пустила в ход Кента. Сирена незаметно соскользнул в воду, став невидимым охотником. Через мгновение мощный подводный водоворот, вызванный его силой, подбросил лодку вампиров, в мгновение ока превратив её в груды плавающих щепок.

Остались только двое.

Остров Ворона встретил их вязким песком и колючим кустарником, который цеплялся за одежду, словно живой. Уэнсдей выпрыгнула из лодки, чувствуя, как ледяная вода заливается в ботинки. Она бежала к склепу, игнорируя жжение в легких. Впереди, на холме, возвышалось древнее строение Крэкстоуна, окутанное мертвенно-бледным плющом.

Она взлетела по каменным ступеням, её рука сомкнулась на древке черного флага... и в этот миг реальность дала трещину.

Звуки исчезли. Мир выцвел до серых пятен. Прямо перед ней, у замшелой стены, стояла девочка — её призрачная копия из пуританских времен. Призрак поднял костлявый палец, указывая прямо в сердце Уэнсдей.

— Ты — Ключ, — прозвучало не в ушах, а гулким резонансом внутри черепной коробки. — Кровь прольется, и дверь откроется. Не дай огню погаснуть.

Видение схлопнулось так же внезапно, как и возникло. Уэнсдей пошатнулась, в глазах на мгновение потемнело, но она усилием воли заставила себя рвануться обратно к озеру.

Обратный путь превратился в пытку. Мышцы кричали от перенапряжения. Бьянка опережала их на полкорпуса, её весла работали с точностью часового механизма.

— Кент! Кончай с ними! — донесся торжествующий крик сирены.

Вода у борта «Черной Кошки» забурлила. Кент вынырнул, его глаза были налиты яростью. Он занес когтистую руку, чтобы перевернуть их лодку, и Уэнсдей поняла — уклониться они не успеют.

И тут воздух пронзила невидимая вибрация — едва слышный ультразвуковой свист, похожий на крик тысячи летучих мышей. Кент внезапно схватился за голову, его лицо исказила гримаса невыносимой боли. Его тело обмякло, и он беспомощно всплыл на поверхность, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Уэнсдей резко вскинула голову, глядя на высокий скалистый утес. Там было пусто. Только серый мох колыхался на ветру. Но чувство, что на неё смотрят через прицел, стало почти физическим. Кто-то незримый, обладающий технологиями, о которых не знали в «Неверморе», грубо вмешался в игру.

— Сейчас, Вещь! — прохрипела Уэнсдей.

Вещь дернул за потайной рычаг. С металлическим лязгом из бортов выдвинулись зазубренные стальные лезвия. «Черная Кошка» резко вильнула и со скрежетом врезалась в латунный борт «Золотого Жука». Латунь лопнула, дерево заныло. На последнем усилии «Кошка» вырвалась вперед и первой коснулась финиша.

Рев трибун был таким мощным, что, казалось, разогнал туман над озером. Энид визжала от восторга, она набросилась на Уэнсдей с объятиями, едва не повалив её в воду. У оборотня выступили слезы радости, она прыгала, демонстрируя когти всему миру.

Уэнсдей стояла, тяжело дыша, глядя на свои дрожащие руки. Она победила, но вкус этой победы был металлическим и тревожным. Она обернулась на воду, где Бьянка, мокрая и побежденная, смотрела ей вслед с нескрываемой, кипящей ненавистью.

Победа была лишь прелюдией к чему-то гораздо более темному.

Глава: Эхо победы и шепот крови

Церемония награждения проходила на главной площади под тяжелыми, редкими каплями начинающегося дождя, который смывал с лиц грим, но не мог охладить пыл трибун. Директор Лариса Уимс стояла на подиуме, возвышаясь над толпой, словно ледяная статуя. В её руках тускло мерцал серебряный Кубок По — трофей, который веками впитывал в себя амбиции и разочарования изгоев.

Её безупречное лицо на мгновение осветилось чем-то, похожим на искреннюю гордость, хотя в глубине глаз всё еще читался строгий расчет.

— В последний раз этот трофей украшал каминную полку «Офелия-Холл» тридцать лет назад, — голос Уимс, усиленный магией или микрофонами, разносился над площадью. — Тогда капитаном команды была другая Адамс. Поздравляю команду «Черные Кошки»!

Уэнсдей приняла кубок. Металл обжег ладони своим холодом, но она почти не чувствовала его тяжести. Её мысли всё еще были там, на озере, прикованы к безмолвной скале. Там, где не было ни души, но откуда исходила волна такой концентрированной воли, что воздух вокруг лодки едва не превратился в стекло.

В густой тени лодочного сарая, где пахло мазутом и застоявшейся водой, Бьянка Барклай металась, словно раненая львица в тесной клетке. Её идеальный образ, который она выстраивала годами, был растоптан: золотой костюм покрывали пятна озерного ила, тушь размазалась по лицу черными дорожками, похожими на траурные ленты.

Кент сидел на перевернутом ящике, обхватив голову руками. Его плечи мелко дрожали.

— Как ты мог так позорно провалиться, ничтожество?! — шипела Бьянка, нависая над ним. — Ты — сирена! Вода должна подчиняться тебе, а не выплевывать тебя на берег, как дохлую рыбу!

— Это был звук, Бьянка! — Кент поднял на неё глаза, полные первобытного ужаса. — Он не был магическим. Он прошел сквозь толщу воды и ударил прямо в центр мозга. Будто

кто-то вскрыл мне череп и засунул туда работающий отбойный молоток. Мои мысли просто... отключились.

Бьянка медленно выпрямилась и посмотрела на пустую скалу, возвышающуюся над озером. Ярость в её глазах начала кристаллизоваться в ледяной расчет.

— Кто-то помог ей, — прошептала она. — И это не было колдовством. Это были технологии, Кент. Холодные, точные технологии. Мы найдем того, кто решил сыграть против нас.

Позже, когда шум праздника стих, Директор Уимс преградила путь Уэнсдей в пустом, гулком коридоре. Свет ламп отражался в её светлых волосах, создавая подобие нимба.

— Впечатляющая гонка, мисс Аддамс. Тридцать лет назад я была вторым пилотом в той лодке, а твоя мать — капитаном. Мы выиграли тогда при весьма схожих... драматических обстоятельствах.

Директор сделала шаг ближе. Её голос стал тише, превратившись в доверительный шепот, от которого по спине обычно пробегает холодок.

— Ты отчаянно бежишь от её тени, Уэнсдей. Но сегодня в твоих глазах я видела ту же дочь, что унаследовала инстинкт убийцы. Вы похожи гораздо больше, чем ты готова признать даже самой себе.

Уэнсдей не отвела взгляда. Её лицо оставалось непроницаемой маской.

— Моя мать использует убийство как искусство — с излишним драматизмом и пафосом. Для меня же это — лишь сухая необходимость, — отрезала она. — И если тень моей матери станет слишком тесной, я просто расширю границы своей тьмы.

Вечер в «Офелии» был пропитан чужим ликованием. Энид лежала на своей кровати, утопая в горе розовых подушек и плюшевых зверей. Её телефон непрерывно вибрировал от уведомлений, освещая комнату неоновыми вспышками.

— О боже, Уэнсдей! Ты только посмотри! Аякс прислал мне уже сотню сообщений! Весь «Невермор» в шоке! Ксавье выложил нереальный арт с нами в школьный блог! Мы — богини этой школы!

Уэнсдей сидела за своим столом. Единственным звуком, который она признавала, был резкий, пулеметный ритм её пишущей машинки. Клавиши впивались в бумагу, оставляя черные следы мыслей:

«Победа — это опасная иллюзия контроля. Кент был нейтрализован профессионально, с хирургической точностью. На скалах не было визуальных следов присутствия, но я кожей чувствовала взгляд того, кто не хотел моей гибели. Пока что».

Она замерла, глядя на свое отражение в темном оконном стекле. Слова призрака — «Ты — Ключ» — пульсировали в сознании, как незаживающая рана. Если она действительно ключ, значит, незримый кукловод просто оберегает свой инструмент для какой-то финальной, страшной цели.

Уэнсдей знала: Кубок По был лишь увертюрой. Главная битва, где призом будет не серебряная чаша, а само существование Невермора, еще впереди.

Глава: Цветы и тени

Ночь опустилась на «Невермор» густым бархатным пологом. После шумного триумфа на озере академия погрузилась в зыбкую тишину, прерываемую лишь далеким уханьем совы и шелестом ветра в кронах старых дубов. Но в Офелия-Холл жизнь не затирала свои следы.

Энид Синклер, окутанная ароматом победы и сладковатых духов, пробиралась по пустым коридорам. Её ярко-розовые пушистые тапочки бесшумно касались холодного камня. Она чувствовала себя героиней шпионского романа — если бы шпионки носили пижамы с прин-

том радужных единорогов. Её сердце всё еще бешено колотилось: отголоски адреналина после Кубка По смешивались с волнением перед тайным свиданием.

Стеклянная оранжерея мисс Торнхилл в лунном свете выглядела как огромный упавший кристалл. Внутри царил свой мир — мир влажного тепла, тяжелого запаха земли и пряных ароматов экзотических растений. Под потолком тускло мерцали синие лампы, предназначенные для ночного цветения, отбрасывая на листья причудливые, почти пугающие тени.

Аякс ждал её у фонтана, окруженного вьющимися лозами «Кровавой лилии». Он сидел на скамье, низко опустив голову, его вечная шапка была натянута почти на самые глаза.

— Эй, — прошептала Энид, выходя из тени огромного папоротника. — Ты чего здесь в такой темноте? Я думала, мы будем праздновать!

Аякс вздрогнул и поднял взгляд. В синеватом свете ламп его лицо казалось бледнее обычного. Он не улыбнулся в ответ, хотя обычно при виде Энид его лицо расплывалось в добродушной, слегка глуповатой гримасе.

— Привет, Эн, — он запнулся. — Я... я ждал тебя. Поздравляю. Вы были круты сегодня.

— «Круты»? Аякс, мы были легендарны! — Энид присела рядом, её глаза горели. — Бьянка чуть не лопнула от злости. Ты видел её лицо, когда мы коснулись берега? Это был лучший момент в моей жизни! Уэнсдей, конечно, сделала вид, что ей всё равно, но я-то знаю, она в восторге.

Она начала увлеченно пересказывать детали гонки, активно жестикулируя, но вдруг осеклась. Аякс не слушал. Он нервно теребил край своей куртки, оглядываясь на стеклянные стены теплицы.

— Аякс, что с тобой? Ты какой-то... замороженный. Даже для горгоны.

Парень вздохнул, его плечи поникли.

— Слушай, Энид... Там, на озере. Когда Кент... ну, когда он вдруг выключился. Все думали, это просто случайность или Бьянка что-то напутала с командой. Но я сидел на трибуне, чуть выше остальных. И у меня были с собой бинокли — хотел рассмотреть ваши шлемы получше.

Энид прищурилась, её оптимизм начал медленно сменяться беспокойством.

— И что? Кент просто перегрелся. Бывает.

— Нет, — Аякс покачал головой. — Я смотрел на воду прямо перед вашей лодкой. И в тот момент, когда Кент всплыл, я увидел... отблеск. На самой вершине скалы, где старая ель. Это не был солнечный зайчик, солнце тогда вообще за тучи зашло. Это была короткая, четкая вспышка. Словно объектив или... или какая-то техника.

Энид почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к ночной прохладе.

— Техника? В Неверморе? Аякс, ты же знаешь, у нас тут даже вай-фай ловит через раз. Кто бы стал сидеть на скале с оборудованием?

— Вот именно, — Аякс понизил голос до шепота. — Я решил проверить. После финиша, пока все орали и обнимались, я поднялся на ту тропу. Там никого не было. Но на земле, на самом краю обрыва, я нашел это.

Он протянул руку и раскрыл ладонь. На ней лежал крошечный предмет — тонкий металлический цилиндр, не больше сантиметра в длину, с идеально ровным срезом. Он не был похож на школьный мусор или деталь лодки. Он выглядел как нечто из секретной лаборатории.

— Что это? — Энид брезгливо коснулась холодного металла.

— Не знаю. Но от него пахнет озоном. Словно после удара молнии, — Аякс быстро спрятал предмет в карман. — Энид, я думаю, ваша победа... кто-то очень хотел, чтобы вы победили. Кто-то, кто не гребет веслами и не поет песен сирен.

Теплица вдруг показалась Энид слишком тесной, а тени растений — слишком похожими на чьи-то длинные пальцы. Она вспомнила странный свист, который слышала на воде, но который списала на шум ветра.

— Ты думаешь, Уэнсдей знает? — тихо спросила она.

— Уэнсдей видит всё, — ответил Аякс. — Но иногда даже она может быть лишь частью чьего-то плана.

Они замолчали. Где-то в глубине оранжереи хлопнула створка окна, заставив обоих вздрогнуть. Победа, которая еще час назад казалась такой сладкой, внезапно приобрела привкус горькой тревоги. Энид посмотрела на свои когти. Она была уверена, что это её сила помогла им выиграть. Но что, если они были просто марионетками в чужом спектакле?

Глава: Анатомия тени

Западное крыло академии «Невермор» всегда считалось самым мрачным. Здесь коридоры были уже, а тени — гуще. Именно здесь, за безымянной дверью, находилась комната, которая была территорией стерильного, почти хирургического порядка. Воздух в ней казался суше и холоднее, чем во всей остальной школе; он был пропитан запахом озона, машинного масла и едва уловимым, сухим ароматом старого пергамента.

Человек, сидевший за массивным столом из темного дуба, был неподвижен. Его фигура терялась в полумраке, и лишь настольная лампа с зеленым абажуром выхватывала из темноты его руки. Тонкие, длинные пальцы были обтянуты безупречно черной кожей перчаток.

Перед ним на куске темной замши лежало разобранное устройство — тот самый серебристый цилиндр, о котором шептались в теплице. Маленький, изящный излучатель ультразвуковых волн. В свете лампы его полированный корпус поблескивал, как чешуя мертвой рыбы. Это было не магическое оружие, а триумф человеческой инженерии, созданный для того, чтобы превращать силу изгоев в их главную слабость.

Человек аккуратно, почти нежно, протер микросхему антистатической салфеткой. Его движения были выверенными, лишёнными лишней суеты — так хирург готовит инструменты перед фатальным разрезом.

На экране ноутбука, свет от которого падал лишь на край стола, в бесконечном цикле прокручивалась запись гонки. Кадр за кадром. Миллисекунда за миллисекундой.

Вот лодка «Черных Кошек» приближается к финишу. Вот Кент заносит руку для удара... и вдруг замирает.

Незнакомец нажал на паузу. На экране застыло лицо Уэнсдей Аддамс. Она не смотрела на Кента. В тот момент её взгляд был направлен куда-то сквозь пространство, сквозь само озеро. Он видел, как она пошатнулась. Видел, как побелели её губы.

— Значит, видения начались... — негромкий голос прозвучал в тишине комнаты как щелчок взводимого затвора. В нем не было ни радости, ни сочувствия — только холодное, исследовательское удовлетворение.

Человек встал и подошел к окну. В стекле отразился лишь смутный силуэт в темном пальто. Он смотрел на далекие, едва мерцающие огни Офелия-Холл. В его левой руке появилась старинная серебряная монета. Он начал медленно перекачивать её по суставам пальцев — туда и обратно, туда и обратно. Металл тихонько позвякивал, отсчитывая секунды чьей-то предрешенной судьбы.

Помощь на озере не была жестом милосердия. Это был калибровочный тест. Ему нужно было, чтобы «Ключ» остался цел. Чтобы Уэнсдей поверила в свои силы, чтобы она начала копать глубже, поднимая на поверхность ту грязь, которую он пришел здесь вычистить.

Он вернулся к столу и открыл черную папку без надписей. Внутри лежала фотография Уэнсдей, сделанная с большого расстояния, и рядом — копия старинной гравюры с изображением девочки, стоящей на коленях перед пылающим костром. Незнакомец взял карандаш и поставил жирный знак вопроса между ними.

— Играй, Уэнсдей, — прошептал он в пустоту комнаты. — Пока тебе позволяют верить, что ты — гроссмейстер.

Он выключил лампу. Комната мгновенно погрузилась в абсолютную, непроницаемую тьму, в которой слышалось лишь ровное, пугающе спокойное дыхание охотника, уже выбравшего свою цель.

Глава: Горький вкус триумфа

Утро в «Неверморе» выдалось холодным и туманным, словно озеро Джерико решило поползти до самых окон академии. В комнате Офелия-Холл пахло свежесваренным черным кофе и лаком для волос Энид.

Уэнсдей сидела за своим столом, идеально прямая, как надгробная плита. Она перечитывала последнюю страницу своего романа, когда дверь распахнулась с таким грохотом, будто в комнату влетел небольшой ураган.

Энид выглядела так, словно не спала вовсе, но при этом была заряжена энергией на неделю вперед. Её волосы были слегка взлохмачены, а на щеках горел румянец, который явно не был результатом использования косметики.

— Уэнсдей! Ты не представляешь, что произошло! — Энид буквально рухнула на свою кровать, а затем тут же вскочила и подбежала к границе «черной зоны» комнаты. — Я полночи провела в теплице с Аяксом. Мы... ну, мы много чего обсуждали, но самое главное — вот это!

Она с драматическим жестом вытянула руку и разжала кулак. На её ладони лежал маленький, тускло поблескивающий серебристый цилиндр. В утреннем свете он выглядел инородным телом — слишком гладким, слишком технологичным для древних стен Невермора.

Уэнсдей медленно отложила лист бумаги. Её взгляд, острый как скальпель, впился в предмет. Она не спешила его брать.

— И что это за мусор, Энид? Очередной аксессуар для твоего телефона, который светится всеми цветами радуги?

— Это не мусор! — Энид понизила голос до заговорщицкого шепота. — Аякс нашел это на скале. Прямо над тем местом, где Кент «сломался» во время гонки. Он говорит, что видел там вспышку. Уэнсдей, эта штука пахнет электричеством. Аякс думает, что Кента вырубili специально.

Уэнсдей медленно поднялась. Она достала из ящика стола черный шелковый платок и, не касаясь предмета кожей, аккуратно взяла цилиндр из рук Энид. Она поднесла его к свету. На корпусе не было ни маркировок, ни серийных номеров — только идеальная, холодная поверхность.

— Ультразвуковой излучатель направленного действия, — почти прошептала Уэнсдей. Её голос стал ледяным. — Миниатюрный. Высокочастотный. Такой может вызвать у сирены мгновенный паралич вестибулярного аппарата, не оставляя внешних следов.

Она обернулась к окну, глядя на далекий утес, окутанный туманом. В её душе закипала холодная, черная ярость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.